

ИТАЛО

КАЛЬВИНО

**НЕВИДИМЫЕ
ГОРОДА**

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Итало Кальвино
Невидимые города

«Издательство АСТ»

2002

УДК 821.131.1-32
ББК 84(4Ита)-44

Кальвино И.

Невидимые города / И. Кальвино — «Издательство АСТ»,
2002 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-133303-4

«Невидимые города» — одна из основополагающих книг постмодернистской литературы. Пятьдесят пять новелл, построенных по законам гадания на картах Таро и напоминающих легендарный «Декамерон» Дж. Боккаччо. Путешествие по разным городам, посещенным — или якобы посещенным — Марко Поло по поручению Кубла-Хана, под пером Итало Кальвино превращается в странствие по воображаемому миру, где города названы женскими именами. Книга-загадка, книга-игра, правила в которой выбирает сам читатель, изучая новеллы в произвольном порядке и выстраивая свою собственную картину волшебного мира — абсурдного, иллюзорного, но вместе с тем столь похожего на безумную жизнь современных мегаполисов. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.131.1-32
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-17-133303-4

© Кальвино И., 2002
© Издательство АСТ, 2002

Содержание

I	5
Города и память. 1	6
Города и память. 2	7
Города и желания. 1	8
Города и память. 3	9
Города и желания. 2	10
Города и знаки. 1	11
Города и память. 4	12
Города и желания. 3	13
Города и знаки. 2	14
Утонченные города. 1	15
II	17
Города и память. 5	19
Города и желания. 4	20
Города и знаки. 3	21
Утонченные города. 2	22
Города и обмены. 1	23
III	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Итало Кальвино

Невидимые города

I

Нет, Кублай-хан не верит тотчас же всему, что Марко Поло говорит о городах, где побывал он с ханской миссией, но, без сомнения, татарский император вновь и вновь склоняет слух свой к молодому этому венецианцу с большим любопытством и вниманием, нежели к иным своим посланцам и дозорным. В жизни императоров бывает миг, когда за чувством гордости от бескрайности захваченных владений, за печальным, но и утешительным сознанием того, что скоро мы расстанемся с надеждою познать их и понять, однажды вечером мы вдруг испытываем ощущение пустоты, проникнувшей в нас вместе с запахами пепла от сандала, стынущего в глубине жаровен, и слонов, омытых дождевой водой, и головокружение – так что дрожат запечатленные на рыжем грунте полушарий реки и горы, в глазах мелькают, наплывая друг на друга, депеши с сообщениями о новых поражениях последних вражеских армий и крошится сургуч печатей неизвестных королей, молящих наше наступающее войско о защите в обмен на ежегодную уплату ими дани драгоценными металлами, дубленой кожей, черепашиными щитами, – так вот, приходит миг отчаянья, когда становится вдруг ясно, что империя, казавшаяся нам собранием всех чудес, – сплошная катастрофа без конца и края, что разложение ее слишком глубоко и нашим жезлом его не остановить, что, торжествуя над неприятельскими суверенами, наследовали мы их длительный упадок.

И только в донесениях Марко Поло удавалось Хану различать сквозь стены и башни, обреченные на разрушение, филигрань столь тонкого рисунка, что его не смог бы укусить термит.

Города и память. 1

Пустившись в путь и двигаясь три дня к востоку, попадаешь в Диомиру – город, где ты видишь шесть десятков куполов из серебра и улицы, мощенные оловянной плиткой, театр из хрусталя и бронзовые статуи богов, где что ни утро раздается с башни пение золотого петушка. Для путника, однако же, красоты эти не новы, подобные являли ему и другие города. Особенность же Диомиры в том, что прибывающий туда сентябрьским – уже ранним – вечером, когда над входами во все таверны разом загораются цветные огоньки и раздается женский вскрик с какой-то из террас, случается, завидует тому, кто в это время думает, что в жизни его был уже такой вот вечер и он чувствовал себя тогда счастливым.

Города и память. 2

У долго скачущего по безлюдной местности рождается желание увидеть город. Наконец он достигает Исидоры – города, где винтовые лестницы в домах украшены морскими раковинами, где по всем правилам искусства изготавливают скрипки и бинокли, где для чужеземца, если тот колеблется, какую из двух женщин выбрать, обязательно найдется третья, где петушиные бои кончаются кровавыми побоищами между теми, кто делал ставки на бойцов. Все это он представлял себе, мечтая о городе. Значит, Исидора – город его грез, с одной лишь разницей: в том городе, который он воображал, себя он видел молодым, а в Исидору приезжает человек в годах. На площади сидят бок о бок старики, глядят на молодежь, которая проходит мимо; среди них сидит и он. А о желаниях теперь он только вспоминает.

Города и желания. 1

Рассказ о городе, носящем имя Доротея, может быть двояким: можно сообщить, что там четыре алюминиевые башни возвышаются над стенами между семью воротами, снабженными пружинными подъемными мостами, перекинутыми через ров, наполненный водой, питающей четыре сплошь заросших ряскою канала, проходящих через город, разбивая его на девять кварталов, каждый с тремя сотнями домов и семьями дымоходами; и, зная, что невесты каждого квартала выбирают женихов себе в других и семьи их ведут обмен товарами, которые являются их монополиями, – бергамотом, осетровою икрой, астролябиями, аметистами, – с учетом этих данных вычислить любые сведения о минувшем, настоящем и грядущем Доротеи; ну, а можно на манер погонщика верблюдов, что привез меня туда, сказать: «Когда однажды утром я, совсем мальчишкой, приехал в этот город, множество людей спешило в сторону базара, женщины, сияя белозубыми улыбками, смотрели прямо мне в глаза, три молодых солдата, стоя на помосте, наигрывали что-то на кларино, всюду развевались красочные надписи, вертелись там и сям колеса. Я прежде видел лишь пески и караванные пути, и вот в то утро в Доротее я почувствовал, что нет такого блага, на которое я не могу надеяться. Потом пришлось мне снова озирать пустыню, вглядываться в караванные тропы, но теперь я знаю: это лишь один из множества путей, открывшихся передо мной в то утро в Доротее».

Города и память. 3

Напрасно, благородный Кублай-хан, рассказывал бы здесь тебе я о Дзаире и ее высоких бастионах. Я мог бы называть тебе число уступов улиц, нисходящих лесенкой, говорить о форме арок портиков и оцинкованных листах, которыми покрыты кровли, но я знаю: это все равно что не сказать ни слова, ведь определяют лик Дзаиры отношения, связывающие пространственные измерения и события былых времен: к примеру, расстояние от земли до фонаря и ноги узурпатора, что был там вздернут; проволоку, протянутую от фонарного столба к ближайшему балкону, и гирлянды, украшающие путь, которым следовал кортеж в день бракосочетания королевы; расположение водостока и исполненное важности движение по нему кота, что прошмыгнул в окно за упомянутым балконом; траекторию снаряда канонерки, вынырнувшей из-за мыса, и ядро, ударившее в водосточную трубу; дырявые рыбацьи сети и трех стариков, что, починяя их на молу, рассказывают в сотый раз про канонерку узурпатора, который был как будто бы побочным сыном королевы, в пеленках брошенным на этом же молу. Напитываясь, точно губка, нахлынувшей волной воспоминаний, город разбухает. Описание сегодняшней Дзаиры невозможно без рассказа о ее минувшем. Но Дзаира не рассказывает о былом, былое – часть ее, как линии руки, оно здесь запечатлено в углах домов, решетках, громоотводах, древках флагов и перилах, которые и сами все в царапинах, зубцах, зарубках и следах ударов.

Города и желания. 2

Двигаясь на юг, три дня спустя встречаешься с Анастасией; этот город омывают концентричные каналы, в небе его реет множество бумажных змеев.

Надо бы теперь сказать, что можно выгодно купить в Анастасии, – оникс, хризопраз, агат, другие виды халцедона; отозваться с похвалой о мясе золотистого фазана – здесь его готовят на огне от выдержанного вишневого дерева и густо посыпают майораном; не забыть упомянуть о женщинах, плескающихся в водоеме в одном из городских садов, – по слухам, они могут пригласить прохожего раздеться и попробовать поймать их. Но таким перечислением я не выразил бы истинную суть Анастасии, ибо описание пробуждает то одно желание, то другое, которые ты вынужден поочередно подавлять; но ежели однажды утром ты сам окажешься в Анастасии, все желания пробудятся сразу, окружив тебя со всех сторон. Ты ощущаешь себя частью города, который предстает единым целым, где не пропадает втуне ни одно желание, и поскольку этот город наслаждается всем тем, чем ты не наслаждаешься, то остается тебе лишь довольствоваться тем, что ты объят желанием. Обманчивому городу Анастасии присуще свойство, которое считают то пагубным, то благотворным: если ты по восемь часов в день шлифуешь ониксы, агаты, хризопразы, то труд твой, облакающий желание в ту или иную форму, сам принимает форму этого желания, и, думая, что наслаждаешься за всю Анастасию, в действительности ты являешься ее рабом.

Города и знаки. 1

Целыми днями человек шагает среди деревьев и камней. Немногое задерживает его взгляд – лишь то, в чем он усматривает знак чего-нибудь другого: след на песке означает, что прошел здесь тигр, стоячая вода – что там бьет ключ, цветок проскурняка – что скоро кончится зима. Все остальное немо и взаимозаменимо; камни и деревья представляют собой только то, что представляют.

В конце концов дорога приводит в город под названием Тамара. Ты идешь по улицам, которые пестрят торчащими из стен бесчисленными вывесками. Взгляду предстают не вещи, а их изображения, означающие что-нибудь иное: щипцы – местопребывание зубодера, алебарды – кордегардию, кружка – таверну, безмен – зеленую лавку. Статуи и гербы, изображающие львов, дельфинов, башни, звезды, – знак того, что лев, дельфин, звезда или башня что-то означают. Другие знаки извещают о том, что в этом месте возбраняется: ввозить повозки в переулок, оправляться за киоском, ловить рыбу удочкой с моста, – а что, наоборот, дозволено: играть в шары, поить оленей, предавать огню тела родных. От входов в храмы видны статуи богов, изображенных каждый со своими атрибутами: клепсидрой, рогом изобилия, медузой, – по которым верующий может их узнать и обратиться с подобающей молитвой. Если ж нет на здании никаких изображений или вывесок, уже само его расположение и внешний вид указывают на его предназначение: королевский ли дворец это, тюрьма, монетный двор, пифагорейская школа или же бордель. Товары, выставленные на прилавках, тоже следует воспринимать как знаки других вещей: украшенная вышивкой налобная повязка означает элегантность, золоченые носилки – власть, браслет на щиколотке – сластолюбие, а книги Аверроэса – ученость. Взгляд скользит по улицам как по исписанным страницам: Тамара диктует тебе твои мысли, заставляет повторять ее слова, и, полагая, что осматриваешь город, ты на самом деле лишь фиксируешь названия, которыми определяет он себя и каждую из собственных частей.

Каков в действительности город, именуемый Тамарой, под этой плотной оболочкою из знаков, что он заключает в себе, а точнее, что скрывает, покидающий Тамару путешественник не знает. За пределами ее простираются до горизонта пустоши, распахируется безбрежное небо, по которому несутся облака. И в формах, придаваемых им случаем и ветром, человеку видятся изображения – кораблика, руки, слона...

Города и память. 4

За шестью реками и тремя цепями гор перед тобой возникнет Дзора, которую, единожды увидев, не забудешь никогда. Не потому, что так уж необычна она с виду. Отличительное свойство Дзоры в том, что в память западает очередность ее улиц и домов, дверей и окон, хотя нет в них ничего особенно красивого или диковинного. Секрет Дзоры в том, что элементы, по которым пробегаешь взглядом, составляют нечто вроде музыкальной партитуры, где нельзя ни заменить, ни переставить ни единой ноты. Тот, кто помнит наизусть устройство Дзоры, ежели ему не спится ночью, представляет, что идет по ее улицам, и вспоминает, в каком порядке там сменяют друг друга медные часы и полосатая маркиза над цирюльней, струйка в девять брызг, стеклянная башня астронома, палатка продавца арбузов, статуя отшельника со львом, здание турецких бань, кофейня на углу и улица, ведущая к порту. Незабываемая Дзора схожа с остоном или решеткой, в ячейках которой каждый может разместить то, что желает запомнить: имена великих, те или иные свойства, числа, классификацию растений и минералов, даты битв, созвездия, части речи. Меж любыми понятием и точкою маршрута сможет он установить, на основании родства или контраста, связь, которая послужит его памяти мгновенною подсказкой. Так что нет на свете никого ученой знающих на память Дзору.

Но стремился я туда напрасно: этот город, вынужденный оставаться одинаковым и неподвижным, чтобы лучше запечатлеваться в памяти, зачах, разрушился, исчез. Земля о нем забыла.

Города и желания. 3

Есть два способа добраться до Деспины: морем или на верблюде. Тем, кто приезжает посуху, Деспина предстает иной, чем тем, кто к ней плывет.

Погонщику верблюдов, наблюдающему, как на горизонте плоскогорья появляются верхушки небоскребов и радиолокационные антенны, как трепещут на ветру, белея и краснея, рукава одежды, как трубы выпускают клубы дыма, кажется, что видит он корабль, и он, хотя и знает: это город, все равно воображает, будто там корабль, который увезет его подальше от пустыни, парусник, готовый сняться с якоря, чьи еще не поднятые паруса уже надуты ветром, или пароход, в железном чреве коего дрожит котел, воображает порты разных стран, заморские товары, выгружаемые кранами на молы, остерии, где разноязыкие матросы не жалеют для чужих голов бутылок, и светящиеся окна нижних этажей, в каждом из которых женщина расчесывает волосы.

А моряку в туманном побережье видятся горбы верблюда и украшенное блестящей бахромой седло меж приближающимися, покачиваясь, пегими горбами, и хоть он знает: это город, но предпочитает представлять его верблюдом, с вьючного седла которого свисают полные засахаренных фруктов, финикового вина, табачных листьев бурдюки и переметные сумы, а самого себя воображает во главе большого каравана, из морской пустыни выходящего к оазису, где пресная вода, зубчатые тени от пальм, дома с белеными известкою толстыми стенами, во дворах которых, вымощенных плиткой, босоногие танцовщицы то поведут руками под вуалью, то их выставят наружу.

Облик города всегда определяет та пустыня, которой этот город противостоит, вот почему погонщик и моряк именно так рисуют себе Деспину – город на границе двух пустынь.

Города и знаки. 2

У путешественников, побывавших в Дзирме, остаются в памяти вполне отчетливые картины: негр-слепец, орущий посреди толпы; безумец на карнизе небоскреба; девушка, выгуливающая пуму на поводке. На самом деле среди слепцов, постукивающих палкой по булыжникам, немало чернокожих, в каждом небоскребе сходит кто-нибудь с ума, все сумасшедшие стоят часами на карнизах, и не сыщешь пумы, выращенной не по прихоти девицы. Город избыточен: он многократно повторяет сам себя, дабы хоть что-то отложилось в памяти.

И я был в Дзирме; в памяти моей остались дирижабли, пролетающие мимо окон, улочки, где в специальных заведениях делают татуировки морякам, и поезда подземки, полные толстух, изнемогающих от духоты. Но спутники мои клянутся, будто видели всего один паривший среди шпилей дирижабль, одного татуировщика, раскладывавшего на табурете иглы, тушь и трафареты, и единственную бабицу, которая обмахивалась, стоя в тамбуре вагона. Память избыточна, она умножает знаки, чтобы город запечатлелся как живой.

Утонченные города. 1

Изаура – такое имя носит город тысячи колодцев – высится, как полагают, над подземным озером, лежащим на немалой глубине. Город рос, покуда жителям, выкапывавшим в почве длинные вертикальные туннели, удавалось добираться до воды, и потому его зеленые границы повторяют сумрачные очертания озера, которое таится под землей, видимый пейзаж определяется незримым, и все, что движется под солнцем, на самом деле движимо волной, подспудно бьющейся под известковым небом.

Как следствие, в Изауре распространились верования двух родов. Одни считают: ее божества живут на глубине, в том темном озере, которое питает грунтовые воды. Другие полагают, будто они пребывают в ведрах, возникающих из-за колодезного сруба, во вращающихся блоках, в воротах ковшовых экскаваторов и рычагах насосов, в крыльях ветряков, качающих из скважин воду, в буровых и баках, что подвешены к шестам на крышах, в изворотах тонких труб водопроводов и во всех колонках, в вертикальных трубах, в задвижках и так далее – до вертушек, возвышающихся над воздушными постройками Изауры, всецело устремленной вверх.

Отправленные Ханом инспектировать далекие провинции, посыльные и сборщики налогов пунктуально возвращались во дворец Кублая в Кеменфу, в сады, под сень магнолий, где Великий Хан, прогуливаясь, слушал их пространные отчеты. Были среди них сирийцы, персы и армяне, копты и туркмены: император – чужеземец для любого подданного, и империя могла являть себя Кублаю только через чужеземные глаза и уши. На невнятных Хану языках посланцы сообщали сведения, услышанные ими на наречиях, невнятных им самим, и из туманной толщи звуков выплывали имена и отчества отставленных от должности и обезглавленных чиновников, суммы доходов, поступавших в имперскую казну, размеры оросительных каналов, в засуху питаемых водою мелководных рек. Когда же говорил венецианец, между ним и Ханом возникала связь иного рода. Прибывший недавно и совсем не знавший языков Востока Марко Поло мог изъясняться только жестами, прыжками, криками, исполненными изумления или страха, лаем или кликами животных или же используя предметы, которые он доставал из переметных сум и располагал перед собой подобно шахматным фигурам, – перья страуса, кристаллы кварца, духовые ружья. Возвращаясь из тех мест, куда бывал он послан с миссией, изобретательный купец разыгрывал перед Кублаем пантомимы, а властитель должен был их толковать: так, знаком одного из городов служила рыба, – выскользнув из клюва корморана, она тут же попадала в сеть, – другого – голый человек, не обжигаясь проходивший сквозь огонь, обозначением третьего был череп, стиснувший зелеными от плесени зубами белоснежную жемчужину. Хан расшифровывал эти знаки, но связь меж ними и местами, где бывал венецианец, оставалась ему не вполне ясна: изображал ли Марко приключившееся с ним самим в пути или деяния того, кем был основан город, прорицание астролога, шараду или ребус, означающие имя? При этом все предметы, представлявшие им Кублаю, – и легко толкуемые, и не очень, – обладали свойствами эмблем, которые, раз увидев, невозможно ни забыть, ни с чем-то спутать. Так что империя стала представляться Хану пустынею из зыбких и взаимозаменяемых как песчинки данных, в которой, навеваемые головоломками венецианца, возникали миражи отдельных провинций или городов.

Сменялись месяцы и миссии, и Марко постепенно изучил язык татар, усвоил разные диалекты и наречия. Теперь его рассказы стали столь подробны и точны, что большего Великий Хан не мог и пожелать, и не было вопроса или интереса, остававшегося без ответа. Но любые сообщения о тех или иных краях вызывали в памяти Кублая первый жест или предмет, которым обозначил эти места Марко. Смысл новых данных обуславливался первою эмблемой, но и эти данные ей придавали новый смысл. А может быть, империя, подумал Хан, просто зодиак рождаемых сознанием призраков?

– Когда я наконец узнаю все эмблемы, – обратился он к купцу, – тогда я овладею наконец империей? В ответ венецианец:

– Не надейся, государь, – тогда ты станешь сам одною из эмблем.

II

– Другие мне докладывают о крамоле, лихоимстве, нищете, уведомляют о вновь открытых месторождениях бирюзы, о предложениях поставлять дамасские клинки, о выгоде торговли кунным мехом. А ты? – спросил Великий Хан у Поло. – Ты тоже возвращаешься из дальних стран, но слышу от тебя я только мысли, посещающие тех, кто вечерами дышит свежим воздухом у своего порога. Зачем тогда ты столько путешествуешь?

– Спустился вечер, дует ветерок, мы разместились на ступенях твоего дворца, – ответил Марко Поло. – Все те края, которые ты представляешь, слушая меня, ты бы увидел, даже если бы вместо дворца здесь были хижины на сваях и с лимана доносился запах ила.

– Согласен, у меня взгляд человека, погруженного в свои раздумья. Ну а ты? Ты побывал и на архипелагах, и в тундре, видел горные хребты. И будто никуда не двигался отсюда.

Венецианец знал, что если Кублай спорит, значит, хочет лучше вникнуть в смысл его речей и что ответы или возражения Марко включаются в те рассуждения, которые уже давно ведет в уме Великий Хан. Иначе говоря, было не важно, произносились ли вопросы и ответы вслух или же каждый изрекал их про себя, не раскрывая рта. И впрямь, они, прикрыв глаза, молчали, расположившись на подушках в покачивавшихся гамаках, покуривая трубки с длинным мундштуком из янтаря.

Купец воображал, как отвечает (или отвечал в воображении Хана), что чем больше он блуждал по незнакомым улицам далеких городов, тем лучше понимал другие города, встречавшиеся по дороге, тем чаще воскрешал в воспоминаниях этапы своих странствий, тем более приближался к постижению порта, где когда-то снялся с якоря, тех мест, где проходили годы его юности, окрестностей родного дома, маленькой венецианской площади, где он играл ребенком.

Но тут Кублай перебивал его – а может, только представлял, что перебил, – вопросом вроде: «Ты идешь вперед, смотря назад?» или: «Ты видишь только то, что позади?», а то и прямо: «Ты путешествуешь лишь в прошлом?»

Чтобы Марко мог объяснить – или вообразить, что объясняет, – или же чтоб можно было представить, будто бы он объясняет, или чтобы, наконец, смог объяснить он самому себе: то, что искал он, всегда было впереди, и даже ежели речь шла о прошлом, его прошлое в процессе путешествия менялось, ибо прошлое путешественника изменяется в зависимости от проделанного им пути, – конечно, не недавнее, не то, к которому прошедший день добавит еще день, а более далекое. Приезжая в каждый новый город, путешественник встречается с частицей собственного прошлого, которую он таковой уже и не считал: такое ощущение чуждости того, чем ты больше не являешься или не обладаешь, подстерегает как раз в чужих, не принадлежащих тебе местах.

Въехав в город, Марко на одной из площадей встречает человека, проживающего ту жизнь – или тот миг, – которые мог бы прожить он сам; на этом месте Марко мог бы оказаться, задержись когда-то он во времени или выбери на перепутье противоположный выбранному путь, который и привел бы его в конце концов на место того человека на той площади. Но теперь он больше не имеет отношения к своему реальному или гипотетическому прошлому и не может здесь задерживаться, так как должен следовать к другому городу, где ждет его еще одна часть его прошлого, которая, возможно, была его потенциальным будущим, а ныне это настоящее другого человека. Несбывшееся будущее – просто ответвление прошлого, его сухая ветвь.

– Ты путешествуешь, чтоб снова погружаться в свое прошлое? – прозвучал ответ Кублая, который можно было сформулировать и так:

– Ты путешествуешь, чтобы оказываться в своем будущем?

И вот каков был ответ Марко:

– Чужие края – зеркала наоборот. В них путник узнает немного свое и открывает многое, чего он не имел и никогда иметь не будет.

Города и память. 5

В Маврилии, показывая путешественнику город, предлагают ему также старые открытки, запечатлевшие Маврилию минувших дней, где можно на знакомой площади, где ныне останавливаются автобусы, увидеть курицу, или двух барышень под белым зонтиком от солнца – вместо фабрики взрывчатки, или музыкальные киоски там, где теперь тепепровод. Чтоб не обмануть надежды местных жителей, необходимо отозваться с похвалой о городе, изображенном на открытках, и предпочесть его теперешнему, но при этом сожалеть о происшедших изменениях нужно по определенным правилам – признавая, что великолепие и процветание Маврили столичной по сравнению с былой, провинциальной, не способно возместить утраты прежнего очарования, каковым, однако, можно наслаждаться лишь теперь, рассматривая старые открытки, в то время как тогда, когда Маврилия была провинцией, прелестного в ней ничего никто не находил и уж подавно не нашел бы ныне, если бы она ничуть не изменилась, и что столица, так или иначе, привлекательна еще и тем, что именно теперешнее ее состояние дает возможность с ностальгией вспоминать о том, какой она была.

Смотрите не скажите, что порою на одной земле и под одним названием сменяют друг друга ничем не схожие между собою города, которые рождаются и умирают, так и не познакомившись друг с другом, не соприкоснувшись. Имена их обитателей, их выговор и даже черты лиц могут оставаться прежними, но боги, жившие под теми именами над теми местами, тихонечко ушли, и им на смену пришли чужие боги. Хуже или лучше старых – пустой вопрос, они совсем не связаны друг с другом, так же как и старые открытки отображают не Маврилию былых времен, а некий иной город, волей случая носивший то же имя.

Города и желания. 4

Посреди Федоры, города из серого камня, есть большое металлическое здание, каждое из помещений которого содержит по стеклянной сфере. Если всмотреться, в каждой сфере увидишь синий городок – модель другой Федоры. Такие формы город мог принять, не стань по той или иной причине он таким, каким мы его ныне видим. В разные времена, случалось, кто-нибудь, взирая на современную ему Федору, придумывал, как сделать ее идеальным городом, но, пока он изготавливал свою модель в миниатюре, Федора успевала измениться, и то, что прежде было ее возможным будущим, оказывалось просто игрушкой, заключенною в стеклянную сферу.

В этом здании теперь музей; каждый из жителей Федоры приходит туда, выбирает себе город, отвечающий его желаниям, и представляет себя глядящимся в садок с медузами, питать водой который должен был канал (когда б его не осушили), или с верха балдахина озирающим бульвар, специально отведенный для прогулок на слонах (в дальнейшем изгнанных из города), или соскальзывающим по спирали минарета (для которого позднее не нашлось фундамента).

На карте твоей империи, Великий Хан, должно быть место и для каменной, большой Федоры, и для маленьких, в стеклянных сферах. Но не потому, что все Федоры одинаково реальны, а, наоборот, поскольку все они – плоды воображения. Одна содержит то, что признано необходимым, хотя необходимости в нем еще нет, другие – то, что представляется возможным, а спустя минуту уже невозможно.

Города и знаки. 3

Путешественник, еще не ведающий, что за город он увидит впереди, пытается вообразить, какие там царский дворец, казарма, мельница, театр, базар. В каждом городе империи все здания различны и по-разному размещены, но стоит чужеземцу, прибывшему в незнакомый ему город, бросить взгляд на эту гроздь пагод, слуховых окон и сеновалов, проследить причудливые очертания каналов, огородов, свалок, чтобы сразу же понять, где княжеский дворец, где храм верховного жреца, гостиница, тюрьма или дурной квартал. Тем самым, полагает кое-кто, подтверждается предположение, что каждый держит в уме некий город из одних отличий, город без конкретных форм, без очертаний, который он накладывает на конкретные города.

В Зое все иначе. Здесь в любом месте можно поочередно спать и стряпать, изготавливать орудия, царствовать, копить золотые монеты, раздеваться, торговать, расспрашивать оракулов. Под любой пирамидальной крышей может быть как лепрозорий, так и термы одалисок. Бродит, бродит путешественник, одолеваемый сомнениями, и невозможность разобраться, где что в этом городе, приводит к путанице и в его дотоле четких представлениях. Он заключает: если жизнь в каждом своем проявлении являет всю себя, то город Зоя – воплощение ее нераздельности. Но что это тогда за город? Где граница, разделяющая то, что в нем, и то, что вне его, шуршание шин и вой волков?

Утонченные города. 2

Теперь я расскажу о городе Зиновия. В нем удивляет вот что: на сухом участке громоздится он на высоченных сваях, причем дома из цинка и бамбука со множеством террас и галерей располагаются на разной высоте и будто перешагивают друг через друга на ходулях, будучи при этом связаны между собою подвесными тротуарами и приставными лестницами и увенчиваясь бельведерами с остроконечной кровлей, флюгерами и резервуарами с водой, а вдоль стен еще торчат лебедки, блоки, лёсы.

Что за надобность, приказ или желание побудили основателей Зиновии придать их городу такую форму, уже никто не помнит, поэтому нельзя сказать, насколько соответствует им нынешняя Зиновия, чей облик, вероятно, есть итог дальнейших наслоений на исходный, непонятный ныне план. Но если обитателя Зиновии попросишь рассказать, каким он представляет себе счастливый город, непременно обнаружится, что – как Зиновия, на сваях и с подвесными лестницами, и хоть с виду он может быть совсем иным, – к примеру, с развевающимися знаменами и лентами, – но обязательно оказывается результатом сочетания элементов той первоначальной формы.

Так что бессмысленно решать, к числу счастливых городов относится Зиновия или к числу несчастных. Не на эти категории следует делить все города, а на другие две: те, что, несмотря на годы и на изменения, упорно придают желаниям свою форму, и те, в которых либо желания сводят на нет город, либо город сводит их на нет.

Города и обмены. 1

Проехав восемьдесят миль так, чтобы дул в лицо мистраль, доберешься до Евфимии, где сходятся на каждое солнцестояние и равноденствие купцы семи народов. Судно, прибывшее в город с имбирем и хлопком, двинется отсюда с трюмом, полным мака и фисташек, караван, едва сгрузив мешки мускатного ореха и изюма, нагружается в обратный путь тюками золотистой кисеи. Однако поднимаются по рекам и идут через безводные пески в Евфимию не только для того, чтоб обменять добро, которое на всяком торжище внутри империи и за ее пределами будет разложено у твоих ног в тени точь-в-точь таких же пологов от мух на одинаково желтеющих циновках, предлагаемое покупателям с одной и той же мнимой скидкой. Нет, не только продавать и покупать товары устремляются в Евфимию купцы, а потому еще, что ночью у костров, пылающих вокруг базара, где сидят они на бочках и мешках или лежат на громоздящихся коврах, на вымолвленное одним из них какое-нибудь слово – например, «волк», «клад», «сестра», «любовники», «чесотка», «битва» – каждый отзывается историей о сестрах, о волках, о кладах, о любовниках, чесотке или битвах. И ты знаешь: в долгом путешествии, когда, чтобы не заснуть от бесконечного покачивания на верблюде или в джонке, ты невольно примешься перебирать воспоминания, окажется, что твоего волка сменил другой, твою сестру – чужая, а твоё сражение – иные битвы, – вот как происходит после посещения Евфимии, где каждое солнцестояние и равноденствие свершается обмен воспоминаниями.

...Первое время после своего приезда Марко Поло, совсем не знавший языков Востока, мог изъясняться только доставая из своих баулов разные предметы – барабаны, вяленую рыбу, ожерелье из зубов бородавочника, – на которые указывал жестами, прыжками, криками ужаса и изумления, подражая тьяканью шакала или уханью сыча.

Связь между элементами рассказа была ясна Кублаю не всегда: любой предмет мог значить разное: к примеру, полный стрел колчан – грядущую войну, обильную охотничью добычу, мастерскую оружейника; песочные часы – текущее или уже истекшее время, песок как таковой и мастерскую по изготовлению клепсидр.

Но ценность фактов и известий, доносимых неспособным выразиться внятным языком осведомителем, заключалась для Кублая в окружавшем их пространстве, в не заполненной словами пустоте. Описания городов, где побывал купец, позволяли мысленно гулять по ним, сбиваться с пути, дышать, остановившись, свежим воздухом или бегом пускаться прочь.

С течением времени в рассказах Марко жесты и предметы постепенно заменялись на слова; сначала это были восклицания, имена, отрывистые реплики, затем им стали придать на смену фразы, пространные цветистые высказывания, метафоры и образные выражения. Чужестранец обучился языку Кублая – или император научился понимать его язык.

При этом их общение, пожалуй, стало менее успешным: разумеется, слова больше жестов и предметов подходили для перечисления того, что в каждом городе, в любой провинции существенней всего, – памятников, рынков, обычаев, животных и растений; но если Поло заговаривал о жизни в том краю, о том, как обитатели его проводят дни и вечера, ему недоставало слов, и понемногу он вновь стал прибегать к гримасам, жестам, взглядам.

К главным сведениям о каждом городе, изложенным ясными словами, он добавлял беззвучный комментарий, поднимая кисти вверх ребром, ладонью или тылом, прямо или косо, лихорадочно или неспешно. У них сложился новый род беседы: руки Хана – белокожие, все в кольцах – отвечали сдержанными жестами рукам купца – подвижным, узловатым. С ростом взаимопонимания жесты делались устойчивыми, каждый соответствовал определенному душевному движению. Но ежели словарь предметов постоянно пополняли привозимые образчики товаров, то репертуар этих безмолвных комментариев практически не обновлялся. Оба прибегали к ним все менее охотно; большую часть времени они, не двигаясь, молчали.

III

Кублай заметил, что описываемые Марко города похожи друг на друга так, как будто переход от одного к другому предполагал не путешествие, а просто замену неких элементов. Теперь, слушая очередное описание, Великий Хан сам принимался раскладывать его в уме на составные части, а затем воссоздавал как-то иначе, переставляя эти части, заменяя, перемещая.

Марко в это время продолжал рассказ, но император не дослушал, перебил:

– Отныне я буду описывать города, а ты мне – говорить, есть ли такие, правильно ли я их представляю. Начнем с города, сходящего уступами к заливу в форме полумесяца, открытого сирокко. Из его диковин назову стеклянный водоем размерами с собор, созданный затем, чтоб наблюдать за плаванием и порханием летучих рыб, усматривая в оных предзнаменования; пальму, что, раскачиваясь на ветру, перебирает струны арфы; площадь, окаймленную подковообразным мраморным столом, покрытым мраморной же скатертью, с едою и напитками из мрамора.

– А ты рассеян, государь. Об этом городе я и рассказывал тебе, когда ты перебил меня.

– Ты был там? Где он? Как называется?

– Нигде. Никак. Скажу еще раз, зачем я стал описывать его: из всех вообразимых нужно исключить те города, которые являются набором элементов без связующей нити, без какого-либо внутреннего правила – просто суммой, лишенной перспективы, ни о чем не говорящей. Все города подобны снам: присниться может что угодно, но даже самый неожиданный сон – ребус, скрывающий какое-то желание или его изнанку – страх. Города, подобно снам, построены из страхов и желаний, даже если нити их речей неуловимы, правила нелепы, перспективы иллюзорны и за всем таится что-нибудь иное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.